

Болшевская коммуна: эго-документ в контексте исторической репрезентации¹

НАТАЛЬЯ
БАКШАЕВА

Обращаясь к фигуре ангела истории, Вальтер Беньямин говорит об образе прошлого, на который ангел «пристально смотрит» и хочет «вновь соединить разбитое»². Историк работает с прошлым, как художник-реставратор в технике кинцуги³: он пытается заполнить трещины скрепляющей смесью. Яркие золотые склейки созданного оригинального конструкта призваны постоянно напоминать о «разбитом» прошлом. Современный философ Тристан Гарсия утверждает, что «репрезентировать – это в первую очередь отсутствовать»⁴. Репрезентация не отсылает к отсутствующему предмету, заставляя нас воображать его иллюзорное присутствие, но материально являет именно отсутствие репрезентируемого, своей ограниченностью и лакунарностью манифестируя его недоступное нам бытие.

Франклин Рудольф Анкерсмит использует⁵ понятие Хейдена Уайта «репрезентативный троп», который, как, например, организующая метафора, обеспечивает целостность исторической нарративной конструкции. Изучение внутреннего механизма репрезентации позволяет отыскать и эксплицировать образную сеть, конституирующую саму ткань представлений той или иной группы о (собственном) прошлом.

В данной статье речь пойдет о реконструкции литературной жизни Болшевской коммуны на материалах дневника руководителя (*руководы*) литературного кружка. В 1924 году на месте бывшей усадьбы Костино, близ железнодорожной станции Болшево, по приказу ОГПУ было создано первое исправительно-воспитательное учреждение для малолетних правонарушителей: Болшевская трудовая коммуна⁶, «располагавшаяся в 1924–1939 гг. на территории современного наукограда Ко-

Наталья Бакшаева
(р. 1996) – научный
сотрудник Института
мировой литературы
РАН.

1 Статья подготовлена в рамках гранта № 23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение» (<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>).

2 Беньямин В. *Озарения*. М.: Мартис, 2000. С. 231.

3 Кинцуги – техника реставрации битой керамики с помощью лака, смешанного с золотым порошком.

4 Гарсия Т. *In Defense of Representation* (<https://s357a.blogspot.com/2019/02/blog-post.html>).

5 Анкерсмит Ф.Р. *Нарративная логика. Семантический анализ языка историков*. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 115–116.

6 Коммуна сначала называлась «Трудовая коммуна ОГПУ № 1», затем – «Болшевская трудовая коммуна НКВД». В 1935–1937 годах носила имя Ягоды.

ролёва, известна как уникальный социально-педагогический эксперимент по перевоспитанию правонарушителей в свободных условиях на основе доверия, труда и самоуправления»⁷.

Перековке бывших беспризорников и правонарушителей во многом способствовал Горький, под началом которого там развернулась литературная деятельность. Исправительно-воспитательное учреждение дало шанс бывшим преступникам и беспризорникам стать нужными новому советскому государству людьми. Деятельность коммуны под руководством Генриха Ягоды и Матвея Погребинского, которых с Горьким связывали приятельские отношения, заинтересовала писателя⁸. Благодаря ему, в учреждении сформировалась библиотека, воспитанники и выпускники получили шанс продолжить обучение и даже принять участие в культурной деятельности.

Возраст подростков из коммуны был от 13-ти до 17 лет. Число воспитанников росло: от восемнадцати человек в 1924 году до пяти тысяч в 1936-м. Уже в первые годы функционирования учреждения возникла потребность в новых помещениях, строительство которых началось в 1927 году по проекту Аркадия Лангмана и Лазаря Чериковера⁹. Благодаря сохранившемуся архитектурному комплексу¹⁰, выполненному в конструктивистском стиле, и большому количеству иллюстративных материалов можно реконструировать пространственные формы, в которых воплощалась социальная активность и создавалась материальная культура коммуны. Благодаря творческому наследию большевцев есть возможность исследовать процесс спатIALIZации территории (Мишель Фуко¹¹), социального обозначения и конструирования пространства (Пьер Бурдьё¹²). Помимо обсуждаемых ниже литературных произведений, следует упомянуть первый советский звуковой фильм «Путевка в жизнь» (1931), в основу сценария которого легла история исправительно-воспитательного учреждения¹³.

К середине 1930-х пространство коммуны превратилось в место с насыщенной и разнообразной культурной жизнью:

«Костино представляло собой рабочий поселок с [...] большим производственным комплексом, включавшим деревообделочную,

7 Бельская С.А. *Книги Большевской трудовой коммуны (1924–1939) в централизованной библиотечной сети и музейных фондах города Королева* // Культурное наследие России. 2020. № 1. С. 29.

8 Гладыш С.Д. *Дети большой беды*. М.: Звонница, 2004. С. 58.

9 Мержанов С.Б. *Забывтый памятник* // Архитектура СССР. 1989. № 4. С. 110.

10 В 2016 году, благодаря стараниям градозащитного сообщества, этому конструктивистскому архитектурному комплексу был присвоен статус выявленного объекта культурного наследия.

11 См.: Фуко М. *Другие пространства* // Он же. *Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью*. М.: Праксис, 2006. Т. 3.

12 См.: Бурдьё П. *Социология социального пространства*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

13 Плотникова А.Г. *Киносценарий М. Горького о трудовых коммунах* // Культурное наследие России. 2020. № 1. С. 31.

обувную, трикотажную, химическую фабрики, механический завод. Коммунары изготавливали 60% всей спорт. продукции, производимой в СССР, активно занимались спортом, проявляли себя в литературе и искусстве, выступали в Колонном зале Дома Союзов и Театре народного творчества. [...] В разные годы здесь побывали: всемирно известные педагоги Антон Макаренко и Джон Дьюи, писатели Алексей Толстой, Анри Барбюс, Илья Ильф и Евгений Петров; лауреаты Нобелевской премии, прозаик Андре Жид, драматург Бернард Шоу; физики Жан Батист Перрен и Нильс Бор, многочисленные советские и иностранные политические и общественные деятели¹⁴.

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА
БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Почти сразу предпринимались попытки написать историю коммуны. В издательстве «Земля и фабрика» вышли два первых выпуска альманаха «Вчера и сегодня», подготовленных бывшими беспризорниками, причем не только болшевыми. Горький поддерживал авторов, написал предисловие к первому выпуску. Публикации были им раскритикованы, но благодарные писателю коммунары не потеряли энтузиазма. После «Вчера и сегодня» в коммуне началась подготовка большой книги очерков¹⁵.

Репрезентация не отсылает к отсутствующему предмету, заставляя нас воображать его иллюзорное присутствие, но материально являет именно отсутствие репрезентируемого, своей ограниченностью и лакунарностью манифестируя его недоступное нам бытие.

Горький подошел к вопросу перековки с позиций, к которым он пришел еще в годы гражданской войны и сразу после нее. Схема была проста: профессиональные литераторы закреплялись за конкретным кружком или бригадой, руководы которых исполняли программы и установки. Болшевская коммуна не стала исключением. Литературная учеба осуществлялась в кружке, который до 1932 года находился в ведении Московской ассоциации пролетарских писателей (региональной секции Российской ассоциации пролетарских писателей), а после – Оргкомитета в Союзе советских писателей.

К десятилетнему юбилею коммуны началась деятельность по подготовке книги очерков ее истории. При активной поддержке Горького был создан коллектив из пятнадцати авторов – как профессиональных писателей, так и коммунаров, близких

14 Бельская С.А. *Указ. соч.* С. 30.

15 *Болшевы: очерки по истории Болшевской имени Г.Г. Ягоды трудкоммуны НКВД* / Под ред. М. Горького. М.: История заводов, 1936.

к горьковскому журналу «Наши достижения». Работа велась два года – книга вышла уже после смерти Горького, в 1936 году.

Также известно, что кружковцы надеялись выпустить отдельную публикацию с собственными произведениями¹⁶. Помимо этого, большевцы готовились к литературно-художественному конкурсу, организованному автономной секцией драматургов при Оргкомитете Союза писателей. Критики справедливо отметили слабый уровень начинающих авторов, указали на ошибки конкурсантов и пока не рекомендовали их произведений ни к публикации, ни к постановке. Активной деятельности в кружке оказалось недостаточно для литературного роста за столь короткий промежуток времени.

Впрочем, первые шаги кружковцев нельзя назвать совсем неудачными: организация конкурса, приглашение писателей на встречи с большевцами, творческая деятельность внутри коммуны создавали неплохие условия для становления молодых авторов. Даже соперничество внутри писательского сообщества не испугало коммунаров. Одно из доказательств тому – выступление представителя Большевской трудовой коммуны Глазова на Первом съезде Союза советских писателей. К 1934 году большевцы под началом Горького и поддержке других советских писателей сумели организовать действующее литературное объединение:

«Мы также читаем материалы съезда и видим, что в основном речь идет о творческом показе нового человека, нового, социалистического общества. [...] Книга о коммуне должна явиться не только зеркалом, отражающим сегодняшний день коммуны. Эта книга должна укреплять в людях коммуны веру в себя, в свое дело, должна показать, на что способен человек, вчера смятый, опрокинутый социальным неравенством, а сегодня вставший во весь рост с помощью дружески протянутой руки пролетариата, стоящего у власти»¹⁷.

Важность «творческого показа нового человека» подчеркивали в своих выступлениях на съезде Кузьма Горбунов, Всеволод Иванов, Лидия Сейфуллина, упоминая о своем участии в литературной деятельности в Болшеве.

Дальнейшая история этого учреждения и его обитателей оказалась трагической. После ареста Ягоды коммуна была уничтожена, коммунары и педагоги убиты или отправлены в ГУЛАГ, даже упоминания о большевцах не допускались в пресе и литературе. Тем не менее в распоряжении исследователей остался сохранившийся массив источников, связанных с литературными начинаниями Горького в Большевской коммуне.

16 Архив А.М. Горького Института мировой литературы (ИМЛИ) РАН. КГ-од-2-31-26.

17 *Первый всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1934. С. 577–578.

В Отделе рукописей Института мировой литературы РАН хранится дневник¹⁸ (за 1932–1933 годы) руководителя кружка – писателя Сергея Юрина (1895–1953). Благодаря ему стало возможным получить сведения о быте, повседневной жизни и творческой деятельности болшевцев. Юрин, руководитель рабочих литературных кружков Ленинграда, член Всероссийского общества крестьянских писателей и Российской ассоциации пролетарских писателей, после апрельского постановления 1932 года о ликвидации последней лишился работы. 31 мая он отправил заявление в Оргкомитет Союза писателей с просьбой «включить на госснабжение»¹⁹. В декабре писатель стал руководом кружка в Болшевской коммуне и начал вести дневник об этом:

«Предварительное ознакомление. 24 / XII 1932. В библиотеке были Михайлов, Иловыйский, Гришин, С. Яковлев, Державин, Морозов, Белов и друг. Это – актив, уцелевший от прежде бывших занятий кружка под руководством С. Городецкого и В. Герасимовой (несколько месяцев назад). Занятия шли нерегулярные. Руководители часто не появлялись. Сегодня было заметное желание организовать кружок»²⁰.

Будучи человеком аккуратным и ответственным, Юрин делал заметки о каждом заседании. Тезисно конспектировал все выступления, посвященные политической повестке и литературной учебе в каждой секции – бригаде (кружковцы были распределены по нескольким секциям: прозаической, поэтической, драматургической, малых форм). К дневниковым записям Юрин прилагал вырезки из газет о коммуне, приглашенные билеты на съезды рабкоров, о которых рассказывал на занятиях. На страницах дневника можно найти произведения болшевцев, цитаты из текстов кружковцев, стенограммы обсуждений произведений на заседаниях, реакцию авторов на критику, планы по подготовке книги очерков об истории коммуны и произведений кружковцев для конкурса и отдельного издания.

Дневник – живой рассказ о людях: Юрин оставил заметки (или даже очерки) о своих подопечных, попутно размышляя о том, как общаться с коммунарами, как им помочь. Подобные отступления призваны были подчеркнуть необходимость работы болшевского литературного кружка в рамках проекта по «воспитанию нового человека». Валерий Тюпа обращал внимание на утверждение Поля Рикёра о том, что «самоосмысление способно происходить исключительно “в форме расска-

18 Отдел рукописей ИМЛИ РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 13.

19 Там же. Ф. 41. Оп. 1. Д. 639. Л. 8.

20 Там же. Ф. 591. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

за"» и что именно «повествование создает идентичность»²¹. Жанровое разнообразие заметок художественно обогащает повествование: в дневнике Юрин выступает в роли лектора, готовящегося к занятиям; «председателя занятий», каждый раз назначаемого из числа кружковцев и стенографирующего встречи; учителя и товарища, переживавшего за подопечных; писателя, художественно рассказывающего о волновавших его сюжетах. Эго-документ явно распадается на смысловые части, обусловленные дихотомией свой–чужой. Юрин совмещал несколько ролей, будучи частью коллектива в качестве руководителя, старшего товарища – и не большевца, не отождествляющего себя с членами коммуны.

Взаимодействие внутри социальной группы – литературного кружка, – описанное Юриным, позволяет установить и выявить маркеры коллективной идентичности, складывавшейся в коммуне.

Во-первых, автор дневника порицает неколлективистское поведение кружковцев. Он описывает «мальчишеские выходы» на заседаниях, во время которых воспитанники рвут рукописи после их прочтения, пропускают занятия, уходят из кружка из-за критики, «держатся единоличниками, а у нас коммуна». На фоне подобных прецедентов одобрительно оцениваются коллективные инициативы большевцев: например, воспитанники сами признаются в пьянстве и требуют общественного осуждения.

Во-вторых, Юрин включает успехи членов кружка в число общих, коллективных достижений: он цитирует газетные заметки и положительные отзывы о литературной деятельности в коммуне, оставляет подробные записи о премировании членов актива.

В-третьих, руковод составил подробную программу для каждой творческой бригады «с целью дифференцирования работы, углубления ее, усиления качества, более тесной связи сообществ с самостоятельными коллективами и печатью коммуны». Литературная учеба низовых авторов – основной фактор объединения. Теоретическая часть вмещала краткий экскурс по истории всемирной и отечественной литературы, принципы построения художественного текста. Списки чтения состояли не только из произведений классиков и известных советских текстов. Программа была весьма обширна: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Павел Васильев, Клюев, Алексей Толстой, Безыменский, Бедный, Тургенев, Брюсов, Маяковский, Есенин, Чехов, Пришвин, Бабель, Лесков, Шолохов, Пильняк, Гоголь, Булгаков, Олеша, Билль-Белоцерковский и другие; внушительен был и

21 Тюпа В.И. *Автонарративность памяти // Память как история и воображение: коллективная монография* / Сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. С. 22.

список западных писателей – от Гелиодора до Гамсуна. На практических занятиях разбирались как произведения признанных писателей, так и низовых авторов, тем самым интегрировав последних в литературный процесс в качестве акторов. Изменения в программе или новые планы обязательно обсуждались в коллективе, мотивируя членов кружка на активное участие.

В-четвертых, немалое место в дневнике уделяется мероприятиям, объединяющим большевцев. Помимо литературной деятельности, Юрин писал о встрече кружковцев с Люберецкой коммуной и обмене опытом с другими воспитанниками, об экскурсии в Мураново, о вечере у местного художника Переца и обсуждении в его мастерской «Евгения Онегина».

В-пятых, заметна идеологическая составляющая в формировании коллективной идентичности: помимо обязательной политической повестки в плане занятий, Юрин включил в программу обсуждение литературы о труде и разбор работ Ленина. В одном из конспектов руковод привел высказывание Ленина «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

В коммуникации Юрина с воспитанниками в первую очередь бросается в глаза иллокутивная функция его речевой практики. Призыв к перековке, к формовке нового человека прослеживается во многих дневниковых записях. Нетипичные для автокоммуникативного жанра высказывания-намерения, адресованные подопечным, Юрин оформил в виде цитат из своих выступлений и конспекта лекций. Автор подчеркивал, говоря о недостатках начинающих писателей: «Главное для меня – малограмотность как политическая, так и литературная, и грамматическая». В резкой критике при разборе произведений руковод определяет слабую пьесу кружковца как «бульварную драму с уголовным сюжетом», что неприемлемо для советского коммунара, смотрящего в будущее, а не вспоминающего дореволюционное прошлое. Квинтэссенция юринской речи содержится в его обращении к кружковцам: «Вы становитесь тем человеком, про которого говорят “содержательный человек”». Большевцы приняли призыв руководителя к действию, продуктивно включившись в работу даже вне занятий: Юрин оставил заметку о коммунаре, читавшем в библиотеке книги, упомянутые на встрече. Один из дней кружковцы посвятили поэтической импровизации – сочинению эпиграмм. В емкой и острой поэтической форме воспитанники выявили маркеры Чужого: глупый, бесталаный, немыслящий, идеологически неверный. Приведем пример эпиграмм на Бобринского и Морозова, членов актива, способных и публикующихся начинающих авторов:

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА

БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Все классное свою имеет цену,
Но у тебя хоть отбавляй
Халтурно-оперных верзил:
Отжившего поэта показал на сцене,
Но только сам себя изобразил.

Ничтожный ум, короткие мечты, –
И в черепе груза для полноты.

Коллективная идентичность кружковцев организовывалась на основе общественной и литературной деятельности. Большинство молодых воспитанников проявляли инициативу и были готовы к продуктивной работе внутри коллектива и на его благо, то есть их общность представляла собой взаимодействие интегрированных субъектов. Возможность самоидентификации кружковцев внутри коммуны способствовала активному участию в творческих проектах, за время существования коммуны воспитанники публиковались, участвовали в конкурсах. Участникам большевского литературного кружка действительно удалось выйти в люди, они оказались готовы к созданию собственной истории – распознаванию своей общности во времени и пространстве. В процессе формирования коллективной идентичности большевцы отличались от представителей иных групп, имевших «схожие организации опыта»²²: других коммунаров, подростков, бывших правонарушителей.

После расформирования коммуны члены актива кружка продолжили литературную карьеру и три десятилетия спустя вновь собрались для издания двух выпусков альманаха «Вчера и сегодня». Среди авторов были Виктор Авдеев – бывший беспризорник, член Союза писателей и лауреат Государственной премии, или Павел Железнов – также член Союза писателей и один из организаторов альманаха, опубликовавший в его первом выпуске (1931) пьесу, принятую к постановке театром Мейерхольда²³.

Коммунары шли в кружок с целью оказаться в гомогенной общности, определить себя и окружающих, говорить на одном языке, утверждая свой статус через литературу. Бывшие беспризорники пережили настоящую катастрофу, и не раз: разрыв с прошлым, потерю родителей и революцию. Став коммунарами, изменив свою жизнь, низовые авторы парадоксально идентифицировали себя одновременно как «бывшие беспризорники» и как «содержательные люди». Идентификация сохранилась и после следующей катастрофы – ликвидации коммуны. Спустя тридцать лет в альманахе они назвали себя продолжателями

22 Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 1996.

23 *Вчера и сегодня: альманах бывших правонарушителей и беспризорных*. М., Л.: Гиз-Гослитиздат, 1931. С. 169.

начинаний Горького, сохраняя статусы до 1939 года, и таким образом в каком-то смысле спасли свое прошлое²⁴.

В 1970-е благодарным воспитанникам удалось вернуть и оправдать отдельный эпизод истории, понятие «перековки» и имена людей, которые стояли у истоков создания коммуны, запрещенные к упоминанию после ее ликвидации. Во вступительной статье составители, возвращая «угнетенное прошлое», но при этом вплетая его в официальный нарратив, заключили: «Так наше Советское государство великим подвигом переделки человека отметило годы своего существования»²⁵.

НАТАЛЬЯ БАКШАЕВА

БОЛШЕВСКАЯ КОММУНА:
ЭГО-ДОКУМЕНТ В КОН-
ТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

**Коллективная идентичность кружковцев
организовывалась на основе общественной и
литературной деятельности. Большинство молодых
воспитанников проявляли инициативу и были
готовы к продуктивной работе внутри коллектива
и на его благо.**

Дневник Юрина рассказывает исследователю о небольшом сюжете переломной эпохи в литературном процессе 1920–1930-х. Руководитель постарался описать как можно подробнее и точнее процесс деятельности литературного кружка в коммуне, прибегая к разным стилистическим решениям письма (от сухих стенограмм до эмоциональных очерков). Участие в литературном кружке подвигло молодых авторов к написанию истории коммуны. В ходе работы над творческим проектом большевики смогли закрыть потребность в самоидентификации. Бывшие воспитанники ассоциировали себя с коммуной и после ее ликвидации спустя многие десятилетия.

24 Корчинский А.В. «Былое и думы» А.И. Герцена: перформанс истории и диалектика не-отрицания // Новое литературное обозрение. 2024. № 2(186). С. 73.

25 *Вчера и сегодня: альманах бывших правонарушителей и беспризорных*. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 4.

